

наследие (когнитивное – в Западной Европе, нравственное – в Беларуси), которое и должно стать ценностным основанием культуры молодежи в XXI веке.

Список использованной литературы:

1. *Апель, К.-О. Трансформация философии : сборник / К.-О. Апель. – Москва : Логос, 2001. – 338 с.*
2. *Бабосов, Е.М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е.М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2008. – 488 с.*
3. *Бабосов, Е.М. О современном характере идеологии / Е.М. Бабосов // Беларуская думка. – 2003. – № 6. – С. 26-35.*
4. *Вонсович, Л.В. Национальная идеология белорусского народа : этапы становления и основные контуры / Л.В. Вонсович // Чалавек. Грамадства. Свет. – 2006. – № 3. – С. 3-12.*
5. *Котляров, И. Идеология белорусского государства как важный фактор движения вперед / И. Котляров // Неман. – 2006. – № 11. – С. 174-178.*
6. *Криштанович, Л. Аксиома идеологии / Л. Криштанович // Неман. – 2006. – № 11. – С. 179-183.*
7. *Gottdiener, M. Postmodern semiotics: material culture and the forms of postmodern life / M. Gottdiener. – Oxford : Blackwell, 1998. – 262 p.*

О.А. Барма

**(Белорусский государственный университет
культуры и искусств)**

Ценностно-смысловое основание библиотеки как модели культурного пространства в условиях постнеклассики

Важнейшим парадигмальным моментом переосмысления феномена библиотеки в рамках современного, постмодернистского, этапа развития культуры, является интенция представителей гуманитарных дисциплин к исследованию ценностно-смыслового пространства библиотеки в контексте постнеклассического типа мышления. Исследование сущностных характеристик библиотеки характерно и для представителей научной сферы Античности и Сред-

невековья, эпохи Возрождения и Нового времени, но, отличительной особенностью современного процесса исследования функционального пространства библиотеки является высокая степень разработанности методологического аппарата в исследовательской практике социально-гуманитарной сферы и возможность его применения в библиотечном деле.

В 1989 г. В.С. Степин выдвинул идею о существовании в научном познании трех форм рациональности – классической, неклассической, постнеклассической [7], позволяющих сегодня исследователям рассматривать библиотеку как модель культурного пространства в рамках определенного типа мышления характерного для каждой формы научной рациональности.

Историческая эволюция библиотеки характеризуется переходом от одной относительно устойчивой системы к другой системе, с новой организацией ее элементов, функциональных состояний и способом осмысления ее существенных характеристик.

Обращаясь к философскому, культурологическому и социологическому научному багажу библиотековедения, легко обнаружить в нем идеалы и нормы исследования пространства библиотеки свойственные классической рациональности. По оценке В.С. Степина: «На этапе классической рациональности доминировал идеал, согласно которому объяснение и описание должны включать характеристики объекта. Отклонение от этих норм воспринималось как отказ от объективных знаний» [7, С. 187]. В классическом типе мышления, основными ценностными характеристиками библиотеки выступают – объем накопленных знаний, их полнота и структурность. Отдельно стоит система учета, классификации и хранения. Библиотека выступает, с одной стороны, моделью классической научной картины мира, с другой, ключевой когнитивной структурой его познания. Как пишет М.В. Карданова, «Мир, ставший благодаря Пифагору Космосом – хранилищем, Космотекой, всего сущего, находящегося в абсолютном порядке и гармонии одновременно и как «вещь-в-себе», и как модус различных «миров» ...находил свой аналог в античной библиотеке» [3, С. 101].

Особенности неклассики В.С. Степин раскрывает следующим образом: «В противоположность идеалу единственно истинной теории, укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности, в каждом из которых может содержаться момент объективно-истинного знания» [7,

С. 190]. В неклассическом типе мышления библиотека рассматривается как сложная, внутренне неоднородная самоорганизующаяся система, которая уже не является образом мира в его непосредственной данности, а лишь исторически изменяющейся теоретической моделью мира. Происходит переосмысление причинности в деятельности библиотек, признается вероятностный детерминизм, допускается нежесткость причинно-следственных связей. Если в классическом этапе развития культуры библиотека воспринималась как модель мира, то неклассика рассматривает библиотеку как отдельно взятую систему, включенную в более общую систему создания и распространения информации. Постнеклассика выявляет тенденции влияния библиотеки на общество в целом и на каждого его представителя в частности. Знания, хранящиеся в библиотеке, не могут претендовать на полноту и достоверность без соотношения с другими знаниями (знания-знания, знания-антизнания, знания-антизнания-знания).

Развитие нового типа научной рациональности – постнеклассического – связано с процессами очередной (третьей, по мнению В.С. Степина) научной революции. Библиотеку правомерно рассматривать как саморазвивающуюся систему. Как отмечает М.И. Акилина, «В последнее время провозглашены попытки исследовать библиотеку как динамическую, развивающуюся систему» [1, С. 32], с учетом исторического пути ее развития.

В.С. Степин отмечает, что особенность постнеклассической картины мира заключается в том, что «современный глобальный эволюционизм соединяет идеи эволюции и системного подхода в той его версии, основой которой являются представления о сложных саморазвивающихся системах» [7, С. 182]. Согласно М.И. Акилиной, постнеклассика исследует «не только саморазвивающиеся системы, а сложноэволюционирующие, открытые, неравновесные системы, чаще всего, человекоразмерные, развитие которых сопровождается их прохождением через состояния неустойчивости; исследуются нелинейные самоорганизационные процессы в хаотических аструктурных средах» [1, С. 41]. По формулировке А.П. Краснопольской, постнеклассика характеризуется «смещением фокуса внимания на соотношение и взаимовлияние рационального и иррационального, сознательного и бессознательного в процессе познания; удерживанием целостности в ситуации многоуровневой рефлексии; ориентацией на интересубъективность

знания, ситуативность и процессуальность его порождения» [5, С. 57–58].

Библиотека как сложная саморазвивающаяся система, под воздействием постоянно возникающих случайных факторов постоянно эволюционирует в сторону ее усложнения, что сопровождается появлением новых качественных ее особенностей. Сложные системы такого рода характеризуются диссипативными процессами, процессами рассеивания, ослаблением связей между элементами, увеличением меры неупорядоченности, энтропии [см.: 1, С. 45]. По оценке Е.Н. Гусевой, «библиотека как система... безусловно, может быть охарактеризована как гетерогенная, слабо- или непредсказуемая (партикаузальная), имеющая в своем составе структуры как экстракаузальные, деятельность которых задается внешними причинами, так и интеркаузальные, деятельность которых определяется их внутренними свойствами» [2, С. 17]. Основной проблемой в гуманитарной сфере, по мнению Е.Н. Гусевой, «становится проблема бытия библиотеки в куматоидном пространстве социальных эстафет, в том числе, обоснования специфики и взаимовлияния эволюционных пространственно-временных процессов...» [2, С. 18].

Согласно К.В. Кочелаевской, пространство можно рассматривать как «форму человеческого сознания, как интенцию наделяющую объекты мира пространственными свойствами...» [4, С. 9]. По ее мнению постнеклассическое пространство «является открытой, фрактальной, развивающейся эпистемологической системой», что определяется «принципиальной незавершенностью естественнонаучных взглядов на мировое пространство» [4, С. 12]. Постнеклассические концепции, изучающие функциональные характеристики пространства (наличие структурных элементов, физических и метафизических границ, динамики развития) и связь с другими универсальными феноменами в контексте гуманитарных дисциплин могут быть применены к библиотеке.

Ценностные основания библиотеки как модели культурного пространства в условиях постнеклассики могут быть обнаружены не только в академических работах представителей научной сферы, но и в художественных текстах писателей-постмодернистов. В отличие от представителей классической литературы, в произведениях которых библиотека рассматривается как статичная модель культурного пространства, постмодернисты стремятся к разруше-

нию классических канонов, моделируя пространство библиотеки в рамках концепции случайности. Аналоги феномена случайности могут быть обнаружены в работах авторов, являющихся предтечами постмодернизма (например, осмысление пространства случайности в новелле Х.Л. Борхеса «Вавилонская библиотека» и «Всемирная библиотека»).

В 1980 году У. Эко публикует свой первый художественный роман «Имя розы», где главным местом действия является библиотека аббатства, символизирующая собой модель культурного пространства и типа мышления.

Ценностно-смысловое основание библиотеки в романе «Имя розы» заключается в борьбе и единстве двух противоположностей, а именно: столкновение двух социальных и личностных проектов, по-разному интерпретирующие роль библиотеки в сохранении знаний: собирать, чтобы сохранять и воспроизводить или собирать, чтобы через сохранение и воспроизводство распространять. Протекание того или иного проекта зависит от тех или иных случайных событий, которые моделируют библиотеку как модель культурного пространства.

В первом проекте библиотека олицетворяет, прежде всего, онтологическую структуру мира, как его понимает классика: гармония, целостность, упорядоченность, совершенство. Онтологической структуре библиотеки соответствует определенная модель знания, которая стала жизненным кредо и высшей истиной для Хорхе. Библиотека хранит мудрость веков, в ее лабиринтах, воспроизводящих географическую карту, надежно упрятанные книги всех времен и народов, включая восточную мудрость, магию и волшебство. По мнению Хорхе, библиотека должна следовать своему назначению: «противостоять этой гонке по краю пропасти, сохраняя, воспроизводя и оберегая сокровище знания, завещанное нашими отцами» [8, С. 278].

Хорхе хранит в своей памяти бесчисленные тексты библиотеки. Он свято верит в свое высокое предназначение: не допустить к знанию непосвященных – эта классическая модель библиотеки по отношению к знанию – оно элитарно, оно не для всех и каждого, его надо охранять, превратив библиотеку в крепость. И лишь случайность (случайные событие) нарушает замыслы Хорхе и выпускает знания за пределы библиотеки.

Во втором проекте библиотека представлена как ризоморфный лабиринт догадок и предположений. По мнению Вильгельма, знание невозможно законсервировать и удержать в узде. Только в приращении, открытии нового живет и сохраняется старое. Как отмечает Е. Костюкевич, в романе «Идет борьба между двумя проектами жизни, личными и социальными: один проект упорно стремится к сохранению существующего, сохранению всеми средствами, вплоть до уничтожения других людей и самоуничтожения; второй проект стремится к перманентному открыванию нового, даже ценой собственного уничтожения» [см.: 6, С. 146].

Для Вильгельма библиотека это творческая лаборатория, где конструируются новые идеи и смыслы. Именно случайность является спутником Вильгельма: «случайно найденные записи, случайно составленная теория, случайно найденная книга» – все это позволяет Вильгельму и Адсону сформировать для них новые знания и проникнуть в замысел преступника, постигая тем самым мета- и физическое пространство библиотеки.

Таким образом, одним из ценностно-смысловых оснований библиотеки как модели культурного пространства в условиях постнеклассики является не сама информация и не ее носитель (документ), а знания, поддающиеся интерпретации в контексте мыслительной деятельности человека под воздействием феномена случайности.

Список использованной литературы:

1. Акилина, М.И. *Классическая, неклассическая и постнеклассическая формы рациональности в библиотечных исследованиях* / М.И. Акилина // *Библиотечные исследования в системе постнеклассической науки : проблемно-ориентированный сборник* / Рос. гос. б-ка ; сост. : Е.В. Никонорова, М.И. Акилина. – Москва : Пашков дом, 2008. – С. 32–52.

2. Гусева, Е.Н. *Потенциал постнеклассики и библиотечные исследования* / Е.Н. Гусева // *Библиотечные исследования в системе постнеклассической науки : проблемно-ориентированный сборник* / Рос. гос. б-ка ; сост. : Е.В. Никонорова, М.И. Акилина. – Москва : Пашков дом, 2008. – С. 10–18.

3. Карданова, М.В. *Мир как библиотека: историко-философский экскурс* / М.В. Карданова // *Библиотековедение*. – 2008. – № 2. – С. 100–104.

4. Кочелаевская, К.В. *Пространство: постнеклассическая онтология : автореферат дис. ... канд. философ. наук : 09.00.01 / К.В. Кочелаевская ; [Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2013. – 20 с.*

5. Краснопольская, А.П. *Трансформация игровых стратегий в постнеклассической парадигме культуры / А.П. Краснопольская // Вестник Московского гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 1. – С. 56-61.*

6. Соловьева, Г. *Философия как детектив. Семиология Ролана Барта и «Имя розы» Умберто Эко / Г. Соловьева // Современная западная философия : компаративистские исследования : [монография: в 2 т.] / Г. Соловьева ; Институт философии, политологии и религиоведения комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан ; [под общ. ред. З.К. Шаукеновой]. – Алматы : ИФПР КН МОН РК, 2012. – Т. 2. – С. 128–154.*

7. Степин, В.С. *Исторические типы научной рациональности / В.С. Степин // Цивилизация и культура / В. Степин ; [Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов]. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2011. – С. 163–207.*

8. Эко, У. *Имя розы / У. Эко; [предисл. У. Эко, послесл.: Е. Костюкович, Ю. Лотмана]. – СПб. : Симпозиум, 1998. – 685 с.*

В.В. Нупречик
(ГУО «Институт теологии БГУ»)

Зависть как корень разрушения психологии подростка

*Если пожелаешь чужого, возненавидишь свое,
потеряешь и то и другое.*
свт. Николай Сербский

«Не пожелай жены искреннего твоего, не пожелай дому ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего елика суть ближнего твоего».

В десятой заповеди Господь Бог запрещает плохие дела, желания и помышления по отношению к другим людям. Не соблюдая эту заповедь, человек нарушает повеление Бога о любви к ближне-